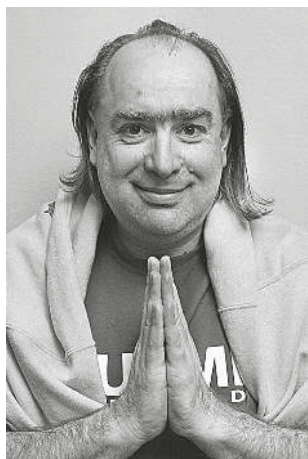

Со школьной скамьи всем известно крылатое выражение В.Г. Белинского о знаменитом романе в стихах А.С. Пушкина: «“Евгений Онегин” – энциклопедия русской жизни». Это первое произведение русской классики, которое мне читала бабушка вслух, когда я в раннем школьном возрасте бесконечно болела ангиной, и первая серьёзная оперная постановка, которую я посмотрела в Оперной студии Консерватории в школьные годы. Волнения Татьяны у зеркала при свечах, роскошные сцены бала, знаменитая ария Гремина: «Онегин, я скрывать не стану...» и, безусловно, бессмертная музыка Чайковского – всё это произвело огромное впечатление и осталось в памяти надолго.

С тех пор я посмотрела историю Онегина, представленную как мюзикл на сцене «Мюзик-холла», но это отдельный жанр, и спектакль скорее поставлен, как говорится, *по мотивам* произведения Пушкина. И вот в июне этого года, просматривая афишу петербургских театров, я натолкнулась на интересную интерпретацию оперы Чайковского в Михайловском театре. В аннотации было сказано, что спектакль поставлен польским режиссёром-авангардистом Андрием Жолдаком, был удостоен Высшей национальной театральной премии «Золотая маска» в номинациях «Лучший оперный спектакль», «Работа режиссёра в опере» (Андрей Жолдак), «Работа художника по свету в музыкальном театре» (её получил Эй Джей Вайсбард, осуществивший эту ра-

боту). Всё это меня заинтересовало. Я позвонила подруге, и мы решили пойти.

Признаюсь, я очень волновалась перед новой встречей с любимым спектаклем детства, тем более в весьма нестандартном изложении. К тому же, у меня был опыт посещения авангардистского спектакля – оперы «Пиковая дама» в московском театре «Геликон-опера», – где вместо военных пушкинской поры за карточным столом сидели юноши в форме НКВД 1930-х годов, а Лиза оказалась колхозницей. Это не только не доставило мне никакого удовольствия, но осталось непонятным. В случае с Онегиным я надеялась, что всё-таки уважаемое жюри, наверняка, не выдало бы столько пре-

Андрей Жолдак

мий просто за вульгарное желание угодить моде. Перед походом в театр почитала и отклики специалистов на спектакль. По большей части они оказались положительными. В частности один из критиков писал: «“Евгений Онегин” – визитная карточка русской оперы для всего мира и рассказ о русской душе для чуткого слушателя. Андрей Жолдак представляет нам опыт радикального прочтения оперы. Вначале он кажется шокирующим, но является ошеломляюще познавательным. Спектакль вызывает сверхэмоциональную реакцию. Психологический театр Чайковского переведён в другую систему образности – условно метафорическую. Антихрестоматийность трактовки поражает. Образная система спектакля повышает градус чувств, обнажает сокровенное, превращает эмоции в страсти». «Для меня партитура Онегина – это лес, в котором только что прошёл дождь, – рассказывал в интервью Андрей Жолдак. – Капли воды остались на листе деревьев. Каждый такт музыки Чайковского пропитан этой влагой, эротизмом и нежностью».

И вот мы в театре, сидим в ложе, предварительно, конечно, испив шампанского в буфете и откушав любимых мной «михайловских» шоколадных эклеров, которые – прелесть, тают во рту. Всем рекомендую!

Свет гаснет. Раздвигается занавес. И мы отказываемся... в царстве Снежной королевы: царство льда, царство белизны, белые декорации, белые костюмы действующих лиц, причём, весь-

ма современные. И только несколько чёрных шаров, прокатывающихся то и дело по сцене, и чёрные тени, пробегающие по стенам, предвещают наступление тьмы.

Надо отметить, что весь спектакль Жолдака выдержан только в двух цветах – белом и чёрном. Критики назвали этот приём «монохромной эстетикой Жолдака». «Последовательно на протяжении всего спектакля белый цвет уступает свои позиции чёрному, и в финале наступает полный мрак. Декорации, исполненные ледяного символизма, декларируют неотвратимость рока, нависшего над героями».

Беспечная юность Татьяны и Ольги, их игры с няней – всё проходит на первых порах весело и беззаботно. И надо отметить, что, погружаясь в спектакль, уже не обращаешь внимания на то, что Татьяна достаёт бутылку воды из ...холодильника. Костюмы героев тоже символичны – Ольга вся в белых одеяниях, но на белом платье Татьяны виднеются чёрные бусы. Это символ будущих страстей, которые едва не погубят её. Тьма стучится в дверь – она то и дело распахивается под напором сильного ветра. Но окончательно входит в дом с появлением Онегина, одетого... в элегантный чёрный костюм.

Со встречи Татьяны и Онегина демоническое начало начинает разрушать привычную сахарно-белую «пастораль». Чёрные пики зла просовываются из камина, в костюме Татьяны появляется всё больше чёрных аксессуаров, её поведение становится резче, она подходит к грани, за которой ... крах.

Дуэль Онегина и Ленского – это последнее страстное, эпическое столкновение света и тьмы, после которого Ленского кладут в чёрный гроб, и декорации окончательно начинают «чернеть». В последнем акте на сцене всё черно: костюмы героев – чёрные, платье княгини Греминой – это чёрное атласное одеяние с огромным сверкающим шлейфом, похожим на хвост библейского змея-искусителя. И только несколько белых шаров прокатываются по сцене, точно блеклые воспоминания о разрушенных надеждах. Волшебная музыка Чайковского обрамляет всё действие. В конце спектакля на сцену выходит маленькая девочка – дочь Татьяны. Она одета в белое и несёт с собой белую игрушку. Это символ надежды на будущее. Возможно, её ждет светлая дорога.

О новой интерпретации «Евгения Онегина» в Михайловском театре мне приходилось читать противоречивые отзывы зрителей. Одни находят её «омерзительной», другие – в полном восторге. Я скорее отношу себя ко второму лагерю.

Конечно, спектакль явно не рекомендуется смотреть тем, кто не признаёт никакой иной интерпретации, кроме классической. Но классика потому и вечна, что она вне времени. Мне представляется, что с течением времени пышные костюмы девятнадцатого века стали заслонять для слушателя содержание произведения Пушкина. Реплики разнесли на цитаты, об Онегине разве что не анекдоты рассказывают. Думается, что главный режиссёр Михайловского театра М. Татарников и постановщик А. Жолдак совершили очень своевременное действие – они «раздели» спектакль, убрали из него антураж времени, теперь уже далёкого, оставив вечное – человеческие чувства, борьбу страстей, крах и возрождение надежды.

Спектакль сделан очень стильно, элегантно. Голоса певцов – отменные. Артисты не только поют на сцене, они играют, и играют блестяще, не хуже драматических актёров, что не так часто встречается в опере. Метафоричность – едва ли не в каждой сцене, и это увлекает.

Одним словом, мы с подругой не пожалели, что купили билеты на спектакль Жолдака. Выходили мы из театра под большим впечатлением. Я вообще очень люблю этот момент – выходишь из театра после вечернего спектакля, весь наполнен эмоциями, а перед тобой – прекрасный Петербург, поблескивающий в свете вечерней зари летом и в лучах фонарей зимой. Никак не хочется спускаться в метро. Хочется пройтись по Невскому, наполниться красотой города, его величием. «Онегин, добрый мой приятель, родился на берегах Невы, где может быть, родились вы, или блистали, мой читатель...». Мы шли по Невскому проспекту и читали наперебой строфы из романа, которые могли вспомнить.

Что же сказать в завершение? Известно, что на вкус и цвет товарищей не найдёшь. Но всё-таки рискну рекомендовать постановку «Евгения Онегина», осуществлённую Андрием Жолдаком в Михайловском театре, любителям оперы. Считаю, что это спектакль достойный культурной столицы России, достойный Петербурга, где всегда рядом с классикой находилось место современным тенденциям в искусстве. Тем более, что театр показывает спектакль не так уж и часто, два три раза в год. А что до «михайловских» эклеров, – их надо пробовать.